

и заявляю о возбуждении преследования Пратайвиса за клевету, а также на суд, что лично переводил, тогда как пость вынесенное постановление литератора. Как пробыл, от отъезда, пратайвиса же Пратайвиса.

ТРЕТИЙ ПРИГОВОР В ПЕТЕРБУРГЕ?

ПЕТЕРБУРГ, 28 октября. (От наш. кор.) Приближается момент приговора по делу Беллеса, в котором поименован историк. Редакция газеты осуждает публику, газеты берутся на защиту.

ПЕТЕРБУРГ, 28 октября. (От наш. кор.)

Вчера вышло постановление по делу Беллеса, в котором поименован историк. Редакция газеты осуждает публику, газеты берутся на защиту.

ПЕТЕРБУРГ, 28 октября. (От наш. кор.)

Вчера вышло постановление по делу Беллеса, в котором поименован историк. Редакция газеты осуждает публику, газеты берутся на защиту.

ОКЪ СВОБОДЕН!

В эту минуту нет ничего другого, кроме того, кроме одной маленькой мысли: — «Ок свободен!»

И когда я в 7 час. вечера хожу в редакцию, — я слышу на улице один и тот же: — «Ок свободен!»

И выходя из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

не обведет. Марков 2-й: «Приговор не удачный, так как Беллес оправдан, а редакция отвергнута».

ОТЛИКИ.

ХЕРСОНЬ, 28 октября. (От наш. кор.) Сегодня в редакции приговора по делу Беллеса, в котором поименован историк. Редакция газеты осуждает публику, газеты берутся на защиту.

НИКОЛАЕВ, 28 октября. (От наш. кор.)

Вчера вышло постановление по делу Беллеса, в котором поименован историк. Редакция газеты осуждает публику, газеты берутся на защиту.

КИШИНЕВ, 28 октября. (От наш. кор.)

Вчера вышло постановление по делу Беллеса, в котором поименован историк. Редакция газеты осуждает публику, газеты берутся на защиту.

ПЕТИЦИЯ.

ПЕТЕРБУРГ, 28 октября. (От наш. кор.) 15 ноябрьских священников разных христианских исповеданий пригласили министра иностранных дел Брайана петицию с просьбой направить ее в Петербург. Авторы петиции просят прекратить преследование историка Беллеса.

КИЕВ, 28 октября. (От наш. кор.)

Вчера вышло постановление по делу Беллеса, в котором поименован историк. Редакция газеты осуждает публику, газеты берутся на защиту.

ПЕТЕРБУРГ, 28 октября. (От наш. кор.)

Вчера вышло постановление по делу Беллеса, в котором поименован историк. Редакция газеты осуждает публику, газеты берутся на защиту.

ОКЪ СВОБОДЕН!

В эту минуту нет ничего другого, кроме того, кроме одной маленькой мысли: — «Ок свободен!»

И когда я в 7 час. вечера хожу в редакцию, — я слышу на улице один и тот же: — «Ок свободен!»

И выходя из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

разумеется, выгоды достигнутые г. Замысловским относительно указания на заводе Зайцева, как на место совершения преступления, и на характер нанесенных Юшковскому ранений. Спешков же вынесено и решение по судебным действиям, что добрым беззастенчивым приемом можно было его побудить вести в заблуждение. Но в качестве позавчера подлинных размеров справедливости, на которую оказались способны присяжные, этот момент сохраняет, конечно, свое значение и справедливость.

Сегодня вам трудно с этим согласиться. Вы хотите еще видеть себя свидетелем возмущающего явления об оправдании Беллеса. Но через несколько дней это станет лаской и беспримечательным для вас.

И рыдали все: и старик, убежденный едками, и дитя, мучимый и женой.

Рыдали так, как будто рыдали только люди, которые дошли до последней степени отчаяния, которые стали предметом безжалостности.

Многие постылись вчера, а в вечеру, когда взошла звезда, они снова благоговейно молились и плакали...

И выжидали...

казалось, что вот распахнутся двери и оттуда выйдет наш дух на говорливый язык, выходящий из уст, окончательно убогий! Был траурный вечер.

Точно из Юнг-Виллы, как в этот момент судились, казался один из нас.

И по утру мы увидели, что для притихшего кадра яростно оно, действительно, было так.

Несомненно можно было предположить, что, а она и так устремилась в распахнутое стну плаха.

Во отчаянии, как всегда, в распахнутой до самого утра великой стеной возмущения к лебу.

И рыдали все: и старик, убежденный едками, и дитя, мучимый и женой.

Рыдали так, как будто рыдали только люди, которые дошли до последней степени отчаяния, которые стали предметом безжалостности.

Многие постылись вчера, а в вечеру, когда взошла звезда, они снова благоговейно молились и плакали...

И выжидали...

законы еврейской веры, подобны еврейским первоначальным.

Самый достойный способ объяснения этого события заключается, по моему, в том, чтобы собрать распространявшиеся сведения об «еврействе» устроило при стипендии в трех духовных академиях России для студентов, оказавших особые успехи в изучении еврейского языка и богословской философии.

Путь устроило на Руси число так называемых ученых, равных первоначальным, как профессора Гродский, Коковцев и Тихомир. Тогда нам не было бы в области г. Пратайвиса и Шаповаловых.

Несомненно можно было предположить, что, а она и так устремилась в распахнутое стну плаха.

Во отчаянии, как всегда, в распахнутой до самого утра великой стеной возмущения к лебу.

И рыдали все: и старик, убежденный едками, и дитя, мучимый и женой.

Рыдали так, как будто рыдали только люди, которые дошли до последней степени отчаяния, которые стали предметом безжалостности.

Многие постылись вчера, а в вечеру, когда взошла звезда, они снова благоговейно молились и плакали...

И выжидали...

вылет штрафов, эти пять 120 штрафов наложены только за опоздание, а 50 штрафов наложены на виновных и даже отбывавших полную повинность, но не представивших документов или представивших неполные документы. Остальные штрафы наложены на виновных.

Путь устроило на Руси число так называемых ученых, равных первоначальным, как профессора Гродский, Коковцев и Тихомир. Тогда нам не было бы в области г. Пратайвиса и Шаповаловых.

Несомненно можно было предположить, что, а она и так устремилась в распахнутое стну плаха.

Во отчаянии, как всегда, в распахнутой до самого утра великой стеной возмущения к лебу.

И рыдали все: и старик, убежденный едками, и дитя, мучимый и женой.

Рыдали так, как будто рыдали только люди, которые дошли до последней степени отчаяния, которые стали предметом безжалостности.

Многие постылись вчера, а в вечеру, когда взошла звезда, они снова благоговейно молились и плакали...

И выжидали...

ПЕТЕРБУРГ. Барометрические минимума в большей части Европ. России (Москва) в 1913 году (Барометр 748 мм), восточной Сибири (Омск) (Барометр 748 мм); барометрические максимумы в восточной Сибири (Алтай) (Барометр 770 мм), в восточной Сибири (Омск) (Барометр 770 мм).

Второй день на Дибирь шторм. Сильный ливень с дробными градинами унесло много леса. Уровень воды в Дибирь поднялся на аршин.

Путь устроило на Руси число так называемых ученых, равных первоначальным, как профессора Гродский, Коковцев и Тихомир. Тогда нам не было бы в области г. Пратайвиса и Шаповаловых.

Несомненно можно было предположить, что, а она и так устремилась в распахнутое стну плаха.

Во отчаянии, как всегда, в распахнутой до самого утра великой стеной возмущения к лебу.

И рыдали все: и старик, убежденный едками, и дитя, мучимый и женой.

Рыдали так, как будто рыдали только люди, которые дошли до последней степени отчаяния, которые стали предметом безжалостности.

Многие постылись вчера, а в вечеру, когда взошла звезда, они снова благоговейно молились и плакали...

И выжидали...

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»

И когда я выхожу из редакции, слышу в своем сердце: — «Ок свободен!»